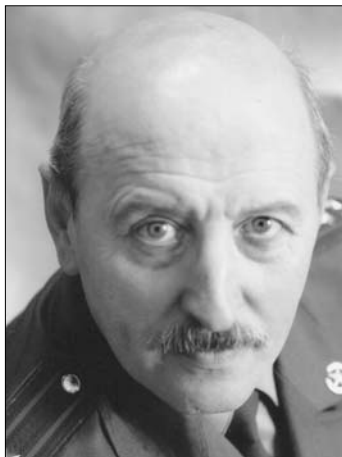

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

СРЕДИ КАМНЕЙ И ТРАВ...

БЕССМЕРТНИК

Солдата нет в живых давно.
Давно с другим жена,
и поминальное вино
давно не пьёт она.

Ну что ж, не вечно горевать —
кто ж вечно слёзы льёт...
Лишь позабыть не может мать
и ждать не устаёт.

Всё снится сон ей: будто он
во вражеском плену.
И через вражеский кордон
душа летит к нему —

на зов его кровавых ран,
на звон его оков.
И осыпается зиндан,
и зарастает ров.

И говорит в стране чужой
ей смуглый командир:

АРТЮХОВ Евгений Анатольевич родился в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. В "Нашем современнике" печатается с 1994 года. Автор нескольких стихотворных книг.

— Зачем славянскою душой
ты мой тревожишь мир?

Что ждёте вы от мусульман,
наделав столько зла?
Неверным мстить велит Коран.
Ступай, пока цела!

— Но у тебя ведь тоже мать:
что ни случись с тобой,
а сердце будет опекать
по камень гробовой.

Во имя матери своей
мне помоги, сынок...
— Ступай!.. Как выйдешь из дверей,
сорви любой цветок.

Покуда не увянет он,
ищи, где твой юнец,
а не найдёшь — тебе вдогон
отправится свинец.

...И ходит мать который год
в далёком далеке.
И сорванный цветок живёт
в старушечьей руке.

Он не померк и не завял —
любви не обороть.
Его бессмертником назвал,
наверно, сам Господь.

* * *

Кем стать бы я хотел, когда б не человеком
впустил меня Господь в свой своенравный мир?
Скорей всего — тропой, пробитой древним греком
среди камней и трав куда-то за Памир.

Чтоб, одолев снега, петлять среди аулов,
бродить по кишлакам в колючках и шерсти
и смешивать песок горячих Кара-Кумов
и шёлковую пыль Великого пути;

чтоб видеть, как века заваливают прахом
деяния людей, что конно да пешком
прошли, назвав меня степным ковыльным шляхом,
кандальным трактом и чумазым большаком.

Ну что ж, они правы. Я сторонюсь Европы:
мне тяжек гнёт её брусчатки площадной,
кюветов, что точь-в-точь похожи на окопы,
и дроби каблуков, подкованных войной.

По мне — грузовичок, с горы ползущий юзом
в изношенных цепях на каждом колесе;
по мне мужик хмельной в тулупчике кургузом,
распластанный обочь во всей дурной красе.

Ведь я и сам такой: вихляющий, разбитый,
исползавший края, откуда брал разбег,
где травы шелестят: “Господь, не дай бандитам
нас закатать в асфальт в бандитский этот век”.

* * *

Я теперь не столько вижу,
сколько чувствую до дрожи:
мир с годами только ближе,
ненадёжностью дороже.

Больно видеть зверя в клетке,
птиц, подбитых для забавы,
и поломанные ветки,
и истоптанные травы.

А цветок порой осенней
иль приبلудный пёс голодный
для душевных потрясений
как ведро воды холодной.

Кончен бег за птицей Синею,
закипают слёзы в кружке...
Правда, сделались красивой
все окрестные дурнушки.

Никакая не загадка,
Никакого в том подвоха:
просто думается сладко,
если чувствуется плохо.

ПЛАЧ 1953 ГОДА

Керогазы, керосинки,
огонёк через слюду;
бурки, чёсанки, ботинки
на лендлизовском ходу;

перешитый из шинели
не сюртук и не пиджак;
пуль отметины на теле,
не смываемы никак

ни горячей, ни холодной,
ни “наркомовской” водой;
горький плач общенародный
над свалившейся бедой.

Та слеза — другим не ровня —
до сих пор во мне течёт:
до неё себя не помню,
от неё — веду отсчёт.

И хоть было мне три года,
в душу врезалось мою,
как средь горького народа
весь зарёванный стою;

со стены из чёрной рамы
на меня глядит усач,
и во взрослом плаче мамы
тонет мой ребячий плач.

* * *

Лежалое сено схватила верёвка,
и медленно воз покатила лошадка.
Я рядом с возницей пристроился ловко
и тоже орал на неё для порядка:

— Но, сонная! Но, растудит тебя в дышло!
Ловил голоса, долетавшие сверху:
— Испортят мальчика... Да срамней бы не вышло...
Домой возвратится... Тоды не до смеху...

Колёса поют, и цикады стрекочут,
звенит комарё, и кусается овод,
и стебли сухие лопатки щекочут,
и колются остро, и лезут за ворот.

То полем, то лесом блукает дорога.
То детство, то молодость — бабою с воза.
И вот недалёкое бремя итога
в глаза уже смотрит мертво и тверёзо.

Истёртые вожжи всучил мне возница
и сгинул неведомо в ту же минуту...
По правую руку — жирует столица.
Земля по другую — раздета-разута.

И ходит, как маятник, хвост лошадиный,
пахучие клубни о землю стучатся.
И тает деревня оторванной льдиной —
уже не добраться
и не докричаться...